

Удается ли беднейшим странам мира встать на путь быстрого экономического развития?

В последние два-три десятилетия ряд развивающихся стран (РС), включая такие крупные, как КНР и Индия, сумели заметно повысить темпы экономического роста. В результате, судя по (минимальному) критерию, принятому Всемирным банком и ООН¹, доля людей в мире, живущих в экстремальной бедности, сократилась более чем втрое до менее 1/10. Но в наименее развитых странах (НРС) показатель снизился в среднем только на 1/3 до 2/5.

Если применить немного более жесткий критерий бедности, подняв ее «планку» на доллар с небольшим с 1.9 до 3.1 долл. в ППС 2011 г., можно обнаружить, что уровень критической бедности выше в РС в 2.5 раза (28–30%), а в НРС – в 1.7 раза (68–70%; составлено и рассчитано по [3; 5, 2016, с. 19]).

Так все ли безнадежно в группе НРС или ветры позитивных перемен в какой-то мере охватили и их, как ряд других РС?

Динамика роста

НРС – это треть всех РС, 1 млрд человек, но всего 2% ВВП мира и 1% его экспорта. В последние три десятилетия прошлого века динамика роста их подушевого ВВП была значительно ниже, чем в среднем по другим РС (ДРС) и развитым государствам (РГ, см. граф.1). Но в 2000–2015 гг. среднегодовой темп прироста (СГТП) подушевого ВВП НРС многократно вырос. Это связано с рядом факторов, в т.ч. с улучшением бартерных условий внешней торговли (прежде всего в африканских НРС), а также существенным ускорением (главным образом в азиатских НРС) СГТП сельскохозяйственной продукции и экспорта готовых изделий.

Вместе с тем подушевой ВВП НРС, отнесенный к среднему уровню ДРС, сократился с 56% в 1970 г. до 21% в 2015 г. Т.е., несмотря на определенные успехи НРС, разрыв между ДРС и ними вырос в *относительных* масштабах более чем в 2.5 раза, а в *абсолютных* – в 7.8 раза (с 1.2 тыс. до 9.4 тыс. долл. в ППС 2011 г.)².

Так как в целом динамично растущая группа ДРС сумела сократить свой относительный разрыв по подушевому ВВП с РГ почти вдвое – с 6.9 в 1970 г. до 3.8 раза в 2015 г. (хотя при этом абсолютный разрыв вырос почти вдвое), получилось так, что ныне *относительный* разрыв между НРС и ДРС,

* Мельянцев В.А. – д.э.н., профессор, Заведующий кафедрой МЭО ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, vamel@iaas.msu.ru

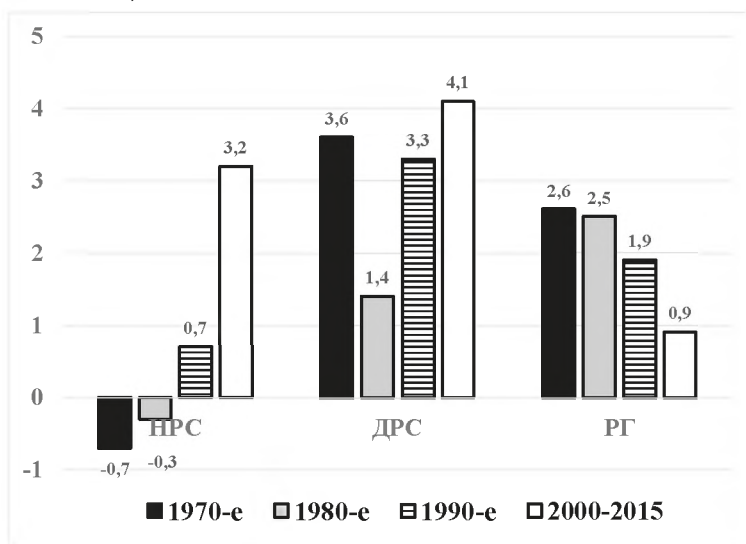
¹ Подушевое потребление в день – менее 1.9 долл. в паритетах покупательной способности (ППС) 2011 г.

² Здесь и далее, если специально не оговорено, расчеты выполнены по источникам к граф.1.

измеренный по показателю ВВП в расчете на душу населения, оказался больше, чем в целом между последними и РГ. Это говорит о весьма противоречивом характере процессов конвергенции и дивергенции, происходящих в мировом хозяйстве, нарастающем в нем взрывоопасном потенциале диспропорций, имеющем серьезные не только экономические, но и социально-политические последствия.

График 1

НРС, ДРС и РГ, 1970–2015 гг.: среднегодовые темпы прироста ВВП в расчете на душу населения, %.

Рассчитано по: [8; 2; 4].

Факторы роста

Расчеты по приведенной ниже модели показывают, что в первые 15 лет текущего столетия внутри группы из 28 рассмотренных нами НРС³ опережающие темпы прироста подушевого ВВП (в т.ч. в Эфиопии, Мозамбике, Бангладеш, Камбодже, Лаосе, Мьянме) определялись соответственно на 1/3 и на 1/5 более быстрым ростом в них продукции сельского хозяйства и экспорта и примерно на 1/4 улучшением эффективности работы правительств.

$$\text{GDPPERCAPGR}_i = 0.59 \cdot \text{AGRGR}_i + 0.12 \cdot \text{EXPGR}_i + 2.86 \cdot \Delta \text{GOVEFF}_i$$

(p=0.000) (p=0.007) (p=0.001)

AdjR² = 0.83. N = 28. T = 2000–2015.

GDPPERCAPGR_i, AGRGR_i, EXPGR_i, ΔGOVEFF_i – означают соответственно среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП, сельскохозяйственной

³ На них приходится 9/10 численности населения НРС.

продукции, экспорта товаров и услуг, а также показатель изменения эффективности работы правительства. $\text{Adj}R^2$ – скорректированный показатель детерминации (изменяется от 0 до 1; чем выше – тем лучше) и p – индикатор статистической значимости (изменяется от 1 до 0; чем ниже – тем лучше). Показатели исчислены по 28 НРС с населением свыше 5 млн человек (на середину 2010-х гг.), по которым имелись необходимые и относительно надежные данные за 2000–2015 гг.

Рассчитано по источникам к граф.1.

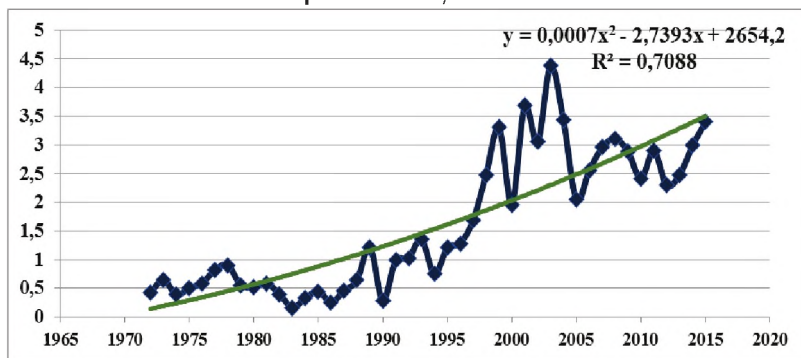
Уточняя сказанное, подчеркнем, что, хотя СГТП совокупной факторной производительности (СФП) в сельском хозяйстве НРС⁴ вырос в 2.5 раза (с 0.6% в 1980–2000 гг. до 1.5% в 2000–2015 гг.), разрыв в производительности труда в сельском хозяйстве между ДРС и НРС увеличился в 1990–2015 гг. с трехкратного до пятикратного (составлено и рассчитано по [5, 2015, с. 50, 55, 72–75; 8]).

Двукратное ускорение экономического роста в целом по группе НРС с 2.8% в среднем ежегодно в 1980–2000 гг. до 5.6% в 2000–2015 гг. было обусловлено также утроением в них СГТП продукции *обрабатывающей промышленности* до 7.7% и удвоением СГТП физического объема экспорта до 9%. Однако, в целом по НРС в 1995–2015 гг. индекс концентрации их экспорта вырос с 0.21 до 0.26 (превысив показатель по ДРС в 2.8 и по РГ – в 3.8 раза), а доля средне- и высокотехнологичных товаров в экспорте НРС в среднем (4–5%) ныне на порядок ниже, чем в ДРС.

Несмотря на то, что в НРС доля внутренних сбережений в ВВП удвоилась (с 8.5% в 1981–2000 гг. до 16.5% в 2001–2015 гг.), норма внутренних капвложений, которая выросла соответственно с 16 до 23% ВВП, более чем на 1/4 зависит от внешних источников финансирования (официальная помощь развитию достигает 5–7% их ВНД; но при этом вырос и приток ПИИ к ВВП, см. граф.2).

График 2

НРС, 1970–2015 гг.: чистый приток ПИИ, в% к ВВП

Рассчитано по источникам к граф.1.

⁴ В 2015 г. доля сельского хозяйства в целом по НРС составляла в занятости 2/3, в ВВП 1/4; в ДРС – 2/5 и 1/10.

Хотя ускорение темпов прироста ВВП в первые полтора десятилетия нынешнего века в группе ДРС и НРС было преимущественно связано с увеличением в них темпов прироста СФП, в последних оно было, как минимум, вдвое большим, чем в первых, и сопровождалось более существенным повышением вклада СФП в приросте ВВП (в группе НРС примерно с $(-)\frac{1}{7}$ до более $\frac{1}{3}$ и в ДРС – с $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$, см. табл. 1).

Таблица 1

НРС, ДРС и РГ, 1980–2015: важнейшие источники роста ВВП, %

	1981–2000				2001–2015			
	y	l	k	r	y	l	k	r
НРС	2.8	2.4	4.8	-0.4	5.6	2.2	6.3	2.1
ДРС	4.1	1.9	5.8	0.8	5.3	1.5	7.0	1.9
РГ	3.0	0.3	3.4	1.6	1.6	0.15	2.2	0.7

Примечания.

1. Рассчитано по следующей формуле: $y = \alpha * l + (1 - \alpha) * k + r$.
 2. y, l, k и r означают соответственно среднегодовой темп прироста ВВП, затрат труда, физического капитала и совокупной факторной производительности.
 3. Средние показатели эластичности изменения ВВП по труду (α) и физическому капиталу ($1 - \alpha$) взяты в пропорции 0.65: 0.35 (основываясь на результатах ряда компаративных исследований).
- Исчислено по источникам к граф. 1.

Однако, несмотря на то, что в первые полтора десятилетия текущего столетия в целом и НРС и ДРС почти втрое обгоняли РГ по темпам прироста СФП, в целом за 1980–2015 гг. по уровню СФП группа ДРС подтянулась к РГ лишь с 35 до 39%, а уровень НРС (к РГ) снизился с 22 до 18% (рассчитано по источникам к граф.1).

Подчеркнем, что основы экономического роста НРС еще весьма шаткие. В среднем по НРС дефицит платежного баланса по текущим операциям вырос в 2014–2016 гг. по сравнению с 2006–2008 гг. почти вчетверо до 3–4% их ВВП. При этом СГТП подушевого ВВП по НРС сократился более чем вдвое – с 4.9% в 2005–2010 гг. до 2.2% в 2011–2016 гг.

Параметры человеческого развития

По ряду характеристик человеческого развития НРС в целом постепенно подтягиваются к ДРС. В 1980–2015 гг. показатель средней продолжительности предстоящей жизни от рождения вырос соответственно с 48 до 64 и с 62 до 72 лет, а среднего числа лет обучения взрослого населения – с 1.6 до 4.2 и с 4.5 до 6.9 лет. Однако доля взрослого населения в НРС, имеющая высшее образование (3–4%), меньше примерно втрое, чем в среднем по ДРС и почти в десять раз, чем в РГ. По числу заявок на патенты в расчете на миллион человек разрыв между ДРС и НРС вырос в 1980–2015 гг. более чем в 20 раз.

По ИЧР, скорректированному на развитие технологий, ДРС в целом не дотягивают до $\frac{2}{3}$, а НРС – до $\frac{2}{5}$ от уровня РГ. Доля населения в НРС, находящаяся ниже планки многомерной бедности ($\frac{2}{3}$), в середине 2010-х

годов была в 2.5 раза выше, чем в среднем по ДРС (1/4; рассчитано по [7, с. 211, 228–230, 240–241, 245]).

Представляется, что без энергичной работы по реформированию базовых институтов наименее развитым странам будет трудно противостоять технологическим и иным вызовам быстро меняющегося мира, в котором резко обостряется конкурентная борьба. Между тем в последнее десятилетие *индекс недееспособности государства* значительно вырос примерно в 2/5 и снизился только в 1/10 НРС. Если по уровню подушевого ВВП в целом по группе НРС с начала века наметилась некоторая (хотя и неустойчивая) тенденция догоняющего развития (к РГ), то по композитному индексу качества институтов они сильно (в 1996–2015 гг. вдвое) отставали от группы ДРС, а те, в свою очередь, примерно во столько же раз – от развитых государств (рассчитано по [1; 9]).

Литература

1. Fragile States Index. Decade Trends, 2007–2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://fsi.fundforpeace.org/fsi-decadetrends> (21.01.2017).
2. IMF Data. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/data.htm>. (06.02.2017).
3. Poverty Headcount Ratio at \$1.9 and \$3.1 a day (2011 PPP) (% of population). [Электронный ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org>. (10.01.2017).
4. UNCTADstat. [Электронный ресурс]. URL: <http://unctadstat.unctad.org>. (21.01.2017).
5. UNCTAD. The Least Developed Countries, 2006–2016. New York, 2006–2016.
6. UNDP. Human Development Report, 2015. New York, 2015.
7. World DataBank. [Электронный ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org>. (10.01.2017).
8. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance>. (21.01.2017).